

S. G. Vorkachev (Krasnodar) THE MEANING OF LIFE AS REFLECTED IN APHORISMS

Linguoculturnaya contseptologia (“linguistic and cultural conceptology”) is by its name purely Russian phenomenon, circulating only over the Russian language scientific space. Its basic research unit is represented by concept defined as a complex culturally specific mental formation which has a constant language expression – the name.

Such concepts as complex and multidimensional semantic formations can not be classified after only one classifying feature therefore it is necessary to single out some separate components in its semantics.

Recently arisen in Russian “linguocultural conceptology” crisis manifestations have been successfully overcome by changing its evolution vector from the horizontal and extensive to the vertical and intensive.

But this crisis overcoming however has not saved the “linguocultural conceptology” from certain inner contradictions and even paradoxes resulting mainly from the division of the concept in some separate and different components.

The Russian “linguocultural conceptology” longevity is explained partly by the actual demand of its basic unit, partly by the existence of the global task in the conceptological research: revealing and verifying the ethnic mentality data.

С. Г. Воркачѳв (Краснодар)

**«КУДА Ж НАМ ПЛЫТЬ?» – ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ КОНЦЕПТОЛОГИЯ:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ВЕКТОР РАЗВИТИЯ¹**

Ключевые слова: *когнитивная лингвистика, лингвокультурология, концепт, структура концепта, вербализация концепта*

Key words: *cognitive linguistics, linguistic culture studies, concept, conceptual structure, concept verbalization*

Если за «день рождения» российской лингвокультурологии принять выход в свет в 1991 году в Институте языкознания АН СССР сборника статей под редакцией Н. Д. Арутюновой «ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА. КУЛЬТУРНЫЕ КОНЦЕПТЫ», посвящённого «лингвистическим, логическим и философским проблемам изучения понятий, общих для научных теорий и обыденного сознания», то это научное направление приближается к своему двадцатилетнему юбилею и можно уже подвести некоторые промежуточные итоги его методологической эволюции и предметной экспансии.

Имя этого научного направления уже фигурирует в «ВИКИПЕДИИ» – виртуальной свободной энциклопедии, там же отмечается, что общепринятого определения лингвокультурологии и единого мнения относительно её статуса, предмета и методов не существует (см.: <http://ru.wikipedia.org/wiki>). Что касается точного определения, то по большому счёту в нём и нет необходимости, поскольку суть этой научной дисциплины достаточно ясно понимается из самого её названия и присутствует в любом из её толкований: изучение языка в единстве с культурой, т. е. культурология языка или лингвистика культуры (см.: Воробьѳв 1997: 47; Красных 2002: 12; Маслова 2001: 28; Телия 1996: 217; Хроленко 2004: 31 и пр.); естественно, однако, что целью её является постижение культуры через язык, а не наоборот, как у лингвострановедения.

При всѳм разбросе мнений относительно границ предметной области лингвокультурологии, выросшей из гипотезы лингвистической относительности Сепира-Уорфа, остается неизменным её междисциплинарный характер как «науки, возникшей на стыке лингвистики и культурологии» (Маслова 1997: 8). Как и культурология – «отечественное нововведение», наука, которой «нет более

1 Работа выполнена при поддержке РГНФ [грант № 10-04-38-404 а/Ю].

нигде» (Культурология как наука 2008: 5), и которая, тем не менее, вошла в число ваковских специальностей, – лингвокультурология (во всяком случае как имя) представляет собой чисто автохтонное, российское образование, циркулирующее исключительно в русскоязычном научном пространстве: в западной научной традиции культурологию называют «культурной антропологией», а лингвокультурологию – «антропологической лингвистикой».

Возникнув в начале 90-х в Российской Федерации, лингвокультурология как «гибридная» научная дисциплина мало-помалу распространилась на значительную часть постсоветского пространства, где русский язык ещё в ходу в качестве общенаучного койне (см.: Арутюнян 2010; Полина 2004; Уматова 2005 и пр.), и даже воспроизводится на украинской «мове» (см.: Васильева 2008; Приходько 2008).

Взаимодействие и взаимовлияние языка и культуры происходят в самых разнообразных формах и, соответственно, столь же многоаспектен предмет лингвокультурологии, куда входят языковая и национальная картины мира, языковое сознание, языковая личность, ментальность, (этнический) менталитет, культурный код и пр. Основной же эвристической единицей лингвокультурологии является концепт (по умолчанию, лингвокультурный), который, при любом толковании, сводится к понятию как совокупности существенных признаков предмета, «погружённому» в культуру и язык. Совокупность концептов составляет национальную картину мира, представляет языковое сознание, формирует этнический менталитет, определяет тип языковой личности, а научное направление, изучающее концепты – лингво(культурная) концептология – даёт практически второе имя для лингвокультурологии.

Если лингвокультурология занимается исследованием лингвокультуры в целом, то лингвоконцептология изучает отдельные фрагменты лингвокультуры главным образом в сопоставительном аспекте. Как культурология и лингвокультурология, лингвоконцептология – также автохтонное «отечественное нововведение» в той мере, в какой этноспецифична её производящая основа «концепт» (см.: Воркачёв 2007: 18).

С момента возникновения лингвоконцептологии два десятилетия назад число публикаций, содержащих в своём названии слово «концепт», увеличивалось чуть ли не в геометрической про-

грессии: на сегодняшний день счёт монографий и докторских диссертаций здесь идёт на десятки, кандидатских диссертаций – на сотни, а статей – на тысячи, изучаются не только отдельные конкретные концепты, но и теоретические основы ЛК-концептологии (см.: Крючкова 2009; Слышкин 2004).

Как уже установлено, *концепт* – «зонтиковый термин», покрывающий предметные области нескольких научных направлений, в языкознании – это, прежде всего, когнитивная лингвистика (лингвокогнитология) и лингвокультурология (см.: Воркачѐв 2003). Лингвокогнитивный и лингвокультурологический подходы к концепту обычно разводятся по ориентации исследовательского вектора: если лингвокогнитология идёт от концепта в индивидуальном сознании к его представлению в коллективном сознании (культуре), то лингвокультурология движется от коллективных представлений о концепте к индивидуальным (см.: Карасик 2004: 17); если лингвокогнитологические исследования имеют типологическую направленность и сфокусированы на выявлении общих закономерностей в формировании ментальных представлений, то лингвокультурология ориентируется скорее на изучение специфического в составе ментальных единиц и направлена на описание отличительных семантических признаков конкретных концептов (см.: Воркачѐв 2003: 7). По существу отличия эти, говоря юридическим языком, ничтожны, поскольку отделить культуру от формы её языкового представления невозможно, а разногласия по поводу лингвокогнитивного и лингвокультурологического подходов к изучению концепта напоминают споры лилипутов о том, с какого конца нужно разбивать яйцо.

Лингвоконцептология сейчас, пожалуй, самое модное направление в российском языкознании – «такое сейчас носят» – и «концепт» продолжает оставаться паролным термином, употребление которого, по мысли его пользователей, должно свидетельствовать об их научной «продвинутости».

Лингвоконцептология на сегодняшний день вполне состоявшееся и зрелое научное направление, о чем свидетельствует помимо наличия устоявшегося категориального аппарата и наработанных методологических алгоритмов исследования целый ряд косвенных признаков: появление учебных курсов и пособий (см.: Карасик-Красавский 2009; Пименова-Кондратьева 2009), выход в лексикографическую практику – появление словарей концептов

(концептуариев) (см.: Степанов 1997; Русское культурное пространство 2004), осмысление в терминах лингвоконцептологии практики перевода (см., например: Александрович 2010) и выход в лингводидактику (см.: Мишатина 2010).

Особого разговора, как представляется, заслуживает продолжающаяся «Антология концептов» (см.: Антология 2005; 2007) под редакцией В. И. Карасика и И. А. Стернина, первый том которой увидел свет в 2005 году, а седьмой – в 2009 (1 и 2 тома были также переизданы одной книгой в издательстве «ГНОЗИС»). В этом многотомном издании собраны полторы сотни работ как лингвоконцептологической, так и лингвокультурологической направленности и представлены концепты самых разнообразных типов и уровней начиная от таких заземлённых культурных реалий, как ВОДА, ЦВЕТOK, ЧАЙ, ПИЩА, и заканчивая такими универсалиями духовной культуры, как ЛЮБОВЬ, КРАСОТА, СВОБОДА, БОГ, ИСТИНА, ЗАКОН, причём некоторые из них представлены здесь по несколько раз (ТРУД, ДРУЖБА, ЛЮБОВЬ, ПУТЕШЕСТВИЕ, ВОЗРАСТ, ТОЛЕРАНТНОСТЬ, СЕМЬЯ, ДЕМОКРАТИЯ, ДЕНЬГИ и др.). Появление «АНТОЛОГИИ» вызвало резкую и в определённом смысле вполне обоснованную критику (см.: Левонтина 2008), поскольку представленные в ней работы никак не соответствуют канонам научной статьи: это «тени теней» – препарированные авторефераты диссертаций, кандидатских и докторских, из которых убрана «паспортная часть» и сокращена до минимума теоретическая. Соответственно, там отсутствует полноценная иллюстративная и доказательная базы, но в полном объёме присутствуют методологические декларации и выводы; нет списка цитированной литературы, а есть список публикаций автора. Однако это отнюдь не умаляет ценности «АНТОЛОГИИ» как справочного пособия – источника, из которого можно почерпнуть сведения о том, что происходит в мире лингвоконцептологии: какие концепты уже описаны и как они описаны.

Если споры относительно природы и сущности концепта вообще продолжают и, наверное, будут продолжаться до бесконечности, то концепт как объект лингвокультурологического исследования своё самое общее, рабочее определение, под которое подпадают практически все выделяемые здесь его виды, как представляется, уже нашёл: это сложное (многомерное и многопризнаковое) ментальное образование (смысл), отмеченное культурной спецификой и имеющее имя (выражение в языке).

Также определились основные функциональные предназначения лингвокультурных концептов: они, прежде всего, представляют собой конституирующие единицы этнического менталитета, его «опорные точки» (Колесов 1999: 112), совокупность которых образует лингвоконцептосферу как языковую картину мира, фрагментами которой они и являются. В то же самое время, некоторые из них способны выполнять функцию организующего начала дискурса и выступать в качестве базовых концептов последнего. Тогда политический дискурс организуется вокруг концептов «ВЛАСТЬ» и «ПОЛИТИК» (см.: Шейгал 2004: 69), религиозный – вокруг концептов «ВЕРА» и «БОГ» (см.: Бобырева 2007: 100–106), а базовыми концептами таких «экзотических» видов дискурса, как презентационный и виндиктивный, выступают «ТЕАТРАЛЬНОСТЬ» и «МЕСТЬ» (Олянич 2007: 133–134; Чесноков 2008: 79–80).

Сложные и многомерные семантические образования, лингвокультурные концепты в принципе не поддаются типологизации на основе какого-либо единого классификационного признака, и, как отмечается, построение исчерпывающей и непротиворечивой классификации концептов весьма проблематично (см.: Карасик 2009: 24).

Так, по степени абстрагированности выделяются ЛК-концепты предельного уровня, представляющие собой обыденные аналоги мировоззренческих терминов (Арутюнова 1998: 617) – абеляровских смыслов, «возникающих в душе говорящего и направленных на душу слушающего» (Абеляр 1995: 84), которые соответствуют современным мировоззренческим универсалиям, организующим в целостную систему сущностные ценности культуры (см.: Степин 2001: 343): СПРАВЕДЛИВОСТЬ, СВОБОДА, ИСТИНА, КРАСОТА, СУДЬБА, ДУША, СЧАСТЬЕ, ЛЮБОВЬ, РОДИНА и пр. Универсалии духовной культуры – абстракции высшего уровня, они принципиально ненаблюдаемы, постигаются умозрительно, а для их представления сознанию – «овеществления» – активно используется метафорика. На самом низком уровне здесь расположены ЛК-концептуализации конкретных отприродных и артефактных объектов: ВОДА, АВТОМОБИЛЬ, ЛОШАДЬ, СЕРДЦЕ, ГОЛОВА, КОМПЬЮТЕР и пр.

Все прочие ЛК-концепты располагаются между этими полюсами, тяготея к одному из них. Так, эмоциональные концепты (РАДОСТЬ, ГНЕВ, ПЕЧАЛЬ, ТОСКА, СТРАХ, УДИВЛЕНИЕ, СТЫД, ВИНА, ГОРДОСТЬ и пр.) по признаку ненаблюдаемости идут сразу после универса-

лий духовной культуры, далее идут абстракции среднего уровня (язык, чудо, труд, дом, война, мужчина, женщина, деньги, строительство и пр.), сценарно-событийные концепты (свадьба, походы, путешествие, застолье, питье и пр.), концептуализации топонимов (Россия, Америка, Германия, Китай, Лондон, Санкт-Петербург, Сочи и пр.) и антропонимов (см., например: Черноморец 2010) и так далее.

Типология ЛК-концептов по познавательному признаку – способу отражения действительности – частично совпадает с их делением на «параметрические» и «непараметрические», где первые представляют собой классифицирующие категории для описания свойств объектов, а вторые – отражают предметное содержание этих объектов (см.: Карасик 2009: 29).

Другим достаточно популярным принципом классификации ЛК-концептов является референциально-тематический, заключающийся в их распределении по предметным областям (областям знания), к которым отправляет их содержание, и тогда выделяются философские (этические, эстетические, аксиологические), религиозные, мифологизированные, семиотические, когнитивные, иллюкутивные, опять же эмоциональные, экономические, социологические, психологические, пространственно-временные, природных явлений, времён года, хроматические, образовательные (академические), профессиональные, идеологические, географические (топонимические), антропонимические, художественные, фольклорные, бытовые, онтогендерные, родства, внутреннего мира человека и пр. ЛК-концепты.

Ещё одним, практически общепринятым, является деление ЛК-концептов по кванторно-социологическому признаку на единичные (индивидуальные), групповые (социоспецифические и этноспецифические) и универсальные (см., например: Карасик 2009: 30–31). Единичные ЛК-концепты – это, преимущественно, единицы художественной концептосферы определённого автора (см., например: Богатова 2006; Болотнов 2009; Згазинская 2008; Колесникова 2008; Погосян 2005; Саморукова 2009 и пр.), групповые – единицы языкового сознания определённой социальной группы (см., например: Мержоева 2009; Стешина 2008) или этноса (нации) (см., например: Радван 2008; Плавинская 2008), а универсальные – составляющие духовного мира всего человечества.

Следует, однако, заметить, что универсальность и специфичность в отношении ЛК-концептов – категории в достаточной степени относительные: любые универсалии духовной культуры, составляющие менталитет нации и находящие выражение в её языке, уже тем самым в определённой мере специфичны, а самый-рассамый этноспецифический ЛК-концепт, тем не менее, содержит в своём составе некий понятийный компонент, позволяющий иноязычному сознанию идентифицировать хотя бы предметную область и категориальную принадлежность этого концепта; сравним, например, русскую «ТОСКУ» («душевная тревога, томление, соединенное с грустью и скукой» – Ожегов 1953: 743) и португальскую SAUDADE, где, при всей этноспецифике этих концептов, присутствует, тем не менее, указание на их общий отрицательно-эмоциональный характер: SAUDADE – *mágoa que se sente pela ausência ou desaparecimento de pessoas, coisas, estados ou acções* (Almeida-Sampaio 1975: 1286–1287) – «душевная боль, которая возникает в результате потери или отсутствия людей, вещей, ситуаций или действий».

Имеют место также различные дихотомические классификации ЛК-концептов по наличию-отсутствию определенного признака. Так, прагматическая типология ЛК-концептов по признаку культурной значимости осуществляется путем их деления на ключевые (основные, базовые, «константы» – Степанов 1997: 76, «культурные доминанты» – Карасик 2004: 142), и все прочие, т. е., видимо, периферийные (см.: Зализняк-Левонтина 2005: 10; Яцуга 2006: 3). Основные ЛК-концепты («ДУХ/ДУША», «РАЗУМ/УМ», «ИСТИНА/ПРАВДА», «СВОБОДА/ВОЛЯ», «СОВЕСТЬ/СТЫД», «ТОСКА» и пр. для русского языкового сознания) дают ключ к пониманию языкового менталитета и специфики языковой картины мира его носителей (см.: Радбиль 2010: 237–256).

В отдельную группу по коммуникативно-социальному признаку выделяются концепты-лингвокультурные типажи: «узнаваемые образы представителей определённой культуры» (Карасик 2009: 179), производные от типологии языковых личностей: «РОССИЙСКИЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ», «АМЕРИКАНСКИЙ АДВОКАТ», «АНГЛИЙСКИЙ СНОБ», «КИТАЙСКИЙ ВРАЧЕВАТЕЛЬ», «КОМСОМОЛЕЦ», «ПИЖОН» и пр. (см.: Лингвокультурные типажи 2010).

Дихотомическая типология ЛК-концептов может быть продолжена, в принципе, по любому значимому признаку, выделяе-

тому в их семантике, и тогда появляется деление ЛК-концептов на вариативные (см.: Крючкова 2009: 17) и не-вариативные, регулятивные (фиксирующие «оценочный кодекс той или иной культуры» – Карасик 2009: 30) и не-регулятивные и т. д.

Можно ещё раз отметить, что признаки, положенные в основу классификации ЛК-концептов, пересекаются, в результате чего, например, эмоциональные концепты оказываются как в уровневой группе, так и в референциально-тематической, а художественные – как в референциально-тематической, так и в кванторно-социологической.

Следствием многомерности ЛК-концептов как качественного разнообразия их содержания, очевидно, является выделение в их семантике отдельных составляющих, получающих в зависимости от используемой эвристической модели названия компонентов, слоёв, страт, секторов и пр. Уже основоположник российской лингвоконцептологии Ю. С. Степанов, говоря о сложной структуре концепта, выделял в его составе понятийное, собственно культурное, собственно языковое (этимология, внутренняя форма) содержание, пассивный (исторический) и активный (актуальный) слои (см.: Степанов 1997: 41–53). В настоящее время в лингвоконцептологии обычно упоминаются понятийная, образная, ценностная и значимостная составляющие, причём более или менее согласованное единство мнений – и то с определёнными оговорками – существует лишь в отношении двух из них – понятийной и образной.

Понятийная составляющая ЛК-концепта – его «энциклопедическое поле» (Стернин 2008: 173) – включает в себя, естественно, всё то, что в логике называют содержанием понятия: совокупность общих и существенных признаков класса объектов (см.: Степанов 1997: 41; Карасик 2004: 128–129), представленных в сознании рационально и позволяющих последнему отделить этот класс от других видовых классов внутри соответствующей родовой области. Однако рациональность здесь понимается преимущественно апофатически: как часть содержания сознания, не имеющая чувственной поддержки, и поэтому, как представляется, вполне допустимо толкование понятийной составляющей как того в семантическом составе концепта, что остаётся за вычетом всех прочих составляющих.

Как известно, в логике понятие, помимо содержания (сигнификата), имеет также и объём (денотат), куда входят все предметы, обладающие признаками, зафиксированными в его содержании. Резонно предположить, что понятийная составляющая ЛК-концепта в качестве «вещного субстрата» обладает также и своим объёмом, – классом носителей этих признаков. И если чаще всего мыслимые признаки и реальные свойства объекта изучения относительно легко делимы, то при описании исторических событий, фактов и персонажей содержание и объём понятийной составляющей зачастую не совпадают: реальный Чапаяв и его судьба отличаются от мифологизированного образа Чапаява в обыденном сознании, наполнение которого как раз и изучает лингвокультурология, а ‘выстрел «АВРОРЫ»’ и ‘штурм Зимнего дворца’ весьма отличаются от реальных событий октября 1917 года.

Обязательность присутствия в содержании ЛК-концепта образной составляющей признается практически всеми лингвоконцептологами (см., например: Карасик-Слышкин 2007: 13; Попова-Стернин 2007: 8). Более того, именно эта часть семантики концепта, очевидно, прежде всего и отличает его от соответствующего понятия. В подавляющем большинстве лингвоконцептологических исследований образная составляющая по качественным характеристикам содержащихся в ней образов разделяется на две части: «перцептивную» (Стернин 2008: 173) или «предметно-образную» (Карасик 2004: 127), отражающую опыт чувственного восприятия денотата концепта субъектом сознания, и «когнитивную» (Стернин 2008: 173) или метафорически-образную, фиксирующую метафоры, с помощью которых понятийное наполнение концепта представляется сознанию. Отмечается также особая, инструментальная роль образной составляющей ЛК-концепта, поскольку она представляет собой своего рода средство выражения понятийного содержания последнего.

В функциональном аспекте как предметно-, так и метафорически-образная составляющие представляют собой ассоциации, сеть которых устанавливается исследователем, в том числе, и в ходе ассоциативного эксперимента (см.: Карасик-Красавский 2009: 42–49). Однако не следует забывать, что в качестве стимула здесь предъясняется не сам концепт, а его имя и полученные ответы представляют собой реакцию именно на слово.

Ценностная (см.: Карасик-Слышкин 2007: 13) и значимостная (см.: Воркачѳв-Воркачѳва 2003) составляющие выделяются уже не всеми лингвоконцептологами, и согласованного единства мнений относительно их сущности и качественной определѳнности пока не существует.

В отсутствие чѳткого и жѳсткого определения под ценностной составляющей ЛК-концепта, очевидно, понимается его культурная значимость, позволяющая трактовать особо важные для какой-либо культуры смыслы как «культурные доминанты» (Карасик 2004: 142).

Действительно – и с этим не поспоришь, любой концепт как отражение факта культуры в общественном сознании уже «по умолчанию», *forcѳment* представляет собой определѳнную ценность – иначе бы он не стал «сгустком смысла», зафиксированным в коллективной памяти, как не нашли бы своего имени в языке малозначимые смыслы. Если ценность – свойство объекта удовлетворять или препятствовать («антиценность») удовлетворению какой-либо потребности субъекта и одновременно результат акта оценивания, то какая ценность, вернее, еѳ разновидность (о типах оценки см.: Арутюнова 1998: 198–199) представлена в ценностной составляющей ЛК-концепта – общеаксиологическая (суммарная, «холическая»), гедоническая, психологическая, эстетическая, этическая, утилитарная и пр.?

И ещѳ: что такое «эмоциональная оценка» и в каком отношении она находится к ЛК-концепту? Мнение о том, что концепты «не только мыслятся, но и переживаются» (Степанов 1997: 41), заставляют биться сердце быстрее при попадании в фокус мысли (см.: Перелыгина 1998: 5), стало общим местом, однако автор настоящей работы держал «в фокусе мысли» не один год такие концепты, как «СЧАСТЬЕ», «ЛЮБОВЬ», «СПРАВЕДЛИВОСТЬ / НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ», не испытывая при этом никакого душевного трепета. Может быть, всѳ-таки, переживаются не концепты, а конкретные эмоциогенные ситуации, и сколько раз ни повторай слово «халва», во рту сладко не станет?

В то время как ценностная составляющая не совпадает с эмоциональной оценкой, она лишена и качественной определѳнности, позволяющей отделить еѳ от «понятийности» (рациональности): «ХОРОШО/ПЛОХО», «ДОВОРО/ЗЛО» вполне спокойно постигаются умозрительно, безо всяких эмоций и образов. Помимо этого,

она носит «размытый» характер – её «фрагменты» зачастую рассредоточены в различных областях и точках семантической структуры ЛК-концепта, как в понятийной (аксиология и праксеология ЛК-концептов, как правило, присутствуют в паремиологическом фонде языка), так и в образной составляющей; не говоря уже о том, что оценочные коннотации, как правило, закреплены за вербальными знаками, с помощью которых концепт «овеществляется» (ср.: «осёл» и «ишак» – первый глупый и упрямый, а второй – трудолюбивый).

ЛК-концепт по определению – это некий культурно-значимый смысл, находящий выражение в языке, где под «выражением» понимается совокупность языковых средств, иллюстрирующих, уточняющих или развивающих содержание этого концепта (см.: Карасик 2004: 110). Языковые средства здесь признаются неотъемлемой частью лингвокультурного концепта уже по умолчанию, но, тем не менее, отделяются от собственно содержания концепта, в то время как «выводы лингвиста о структуре и содержании описываемых концептов ограничены лингвистическим материалом» (Стернин 2008: 172), а изучение этимологии и «внутренней формы» имён-выразителей концепта стало обязательным атрибутом лингвоконцептологических исследований. Однако средства вербализации концепта – это, преимущественно, слова, а слова как полноценные знаки имеют свою собственную концептуальную часть – план содержания, семантику, с которой нужно как-то определяться: решить, входит ли она в содержание концепта или же существует сама по себе.

Как представляется, логично было бы выделить эксплицитно специфически языковую семантику средств выражения ЛК-концепта в отдельную его составляющую: значимостную, определяемую местом, которое занимает имя концепта в лексической системе языка. Сюда войдут парадигматика, синтагматика и этимология имени концепта, а также, очевидно, соотношение частеречных реализаций этого имени и его словообразовательная продуктивность. В принципе, значимостными являются и прагматистические свойства лексико-грамматических единиц, поскольку они реализуются исключительно на фоне синонимического ряда (см.: Воркачѐв 2007а: 103–105).

К настоящему времени сложилась более или менее согласованная методика описания ЛК-концептов, включающая приѐмы

выделения имени концепта, способы этимологического и компонентного анализа этого имени, семантический анализ контекстов употребления средств выражения концепта, ассоциативный эксперимент, когнитивное моделирование, частотный анализ и пр. (Карасик 2009: 32; Попова-Стернин 2001: 96–159). В качестве источника языкового материала для исследования ЛК-концептов привлекаются данные выборки практически из всех видов дискурса, паремиологии и лексикографии, опрос информантов.

Практическое применение этой методики определяется типом концепта и зависит от исследовательской направленности конкретной лингвоконцептологической школы: приёмы семантико-когнитивного анализа, разработанные некогда А. П. Бабушкиным (см.: Бабушкин 1996: 43–68), используются при изучении предметно-событийных концептов, причём исследование идёт от языковых средств выражения концепта к его содержанию, в то самое время как моделирование концептов-абстракций идёт от содержания концепта к средствам его вербализации и начинается с данных специализированного дискурса (научного, религиозного, юридического и пр.), на основании которых выделяется дефиниционный минимум и конститутивные признаки этого концепта (см.: Гольдберг 2008: 6–9).

«Концепт», «концепция», «позиционироваться», «мониторить» – модные «умные» слова, а мода, как известно, дама легкомысленная и изменчивая. За два десятка лет активного употребления термин «концепт» должен, что называется, изрядно навязнуть в зубах, не говоря о том, что ему изначально присущи определённые «врожденные пороки» – в частности, он, как и «лингвокультурология», идиоэтничен и в принципе непереволим на языки, в лексической системе которых имеется соответствующая латинская основа *concept(us/um)* (см.: Воркачёв 2007: 18).

Как показывает история науки, любое научное направление имеет свой жизненный цикл: оно когда-то зарождается, какое-то время развивается и когда-то сходит на нет, и, наверное, лингвоконцептология в этом отношении не составляет исключения. К тому же к середине «нулевых» в её триумфальном шествии наметился определённый застой и кризисные явления: вырождение её базового термина – *концептом* стали называть план содержания любого вербального знака, содержащего хотя бы намёк на культурную специфику, а в выборе объекта исследования лингвокон-

цептологи стали всё чаще использовать «метод дятла» – долбления в одну точку, когда один и тот же концепт описывался по нескольку раз («СУДЬБА», «СЕМЬЯ», «ЛЮБОВЬ», «ДРУЖБА», «ТРУД», «ДЕНЬГИ» и пр.). Тем не менее, «все врут календари» – прогноз относительно скорой кончины лингвоконцептологии (см.: Воркачѐв 2006: 3) так и не оправдался, и её жизненный цикл оказался аномально долгим.

«Куда двигать науку?» – задавался вопрос в старом советском анекдоте. Вперѐд – трудно, назад – идеология не позволяет, остаѐтся одно – двигать её вбок. И именно «вбок» двигалась лингвоконцептология в первые годы своего существования, развиваясь экстенсивно за счёт включения в свою предметную область всё новых и новых объектов, пока в ней не появились такие концепты, как «ПИТИЕ» (Бойченко 2009), «БРАНЬ» (Катуков 2006), «КНЯЗЬ» (Мешкова 2005), «ВОРОВСТВО» (Павлова 2009) и даже «БОЕВОЙ ЛИСТОК» (Лавриненко 2008: 15) как элемент концептосферы «ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА».

Когда же возможности расширения предметной области ЛК-концептов оказались практически исчерпанными, лингвоконцептологии пришлось изменить вектор исследовательской направленности с горизонтального, экстенсивного на вертикальный, интенсивный и начать развиваться «вверх» и «вниз»: в том направлении, которое передаѐтся латинским словом *profundus* – «глубокий» как отклоняющийся от места наблюдателя по вертикали, и её предмет, с одной стороны, стал укрупняться, с другой, – дробиться. Всё это, видимо, в конечном итоге привело к определѐнному «ренессансу» лингвоконцептологии и, безусловно, продолжило её жизненный цикл. В то же самое время можно сказать, что маятник гуманитарного знания здесь в определѐнном смысле двинулся в обратную сторону: от изучения исключительно содержательных свойств объекта лингвоконцептология занялась ещё и исследованием формы его ментального представления и семантической организации.

При движении «вверх» предметная область лингвоконцептологии изменилась за счёт заполнения противоестественного «гиатуса» между конкретными лингвоконцептами, список которых стал практически исчерпывающим, и лихачѐвской концептосферой за счёт выделения укрупненных, гиперонимических единиц, в границах которых можно было бы изучать как сами кон-

цепты, так и их семантические противочлены – «антиконцепты», и тогда в числе объектов исследования появились «концептуальная область» (Чудакова 2005), «концептуальное поле» (Долгова 2006; Слепнева 2008), «концептуальная диада» (Храмова 2010), «сверхконцепт» (Арутюнян 2010), «гиперконцепт» (Калуженина 2008), «макроконцепт» (Путий 2010), «градиент-концепт» (Лунцова 2008), «бинарные концепты» (Русина 2008) и, наконец, «лингвокультурная идея» (Воркачѐв 2008).

Движение «вниз», прежде всего, привело к углублѐнному исследованию отдельных особо значимых для лингвокультуры концептов уже на уровне докторских диссертаций (см.: Черкасова 2005; Шаталова 2008 и пр.), а также к выделению новых типов концептов: лингвокультурных типажей (Дмитриева 2007), прецедентных личностей (Черноморец 2010), биномиальных (Грабарова 2004; Костьева 2008 и пр.) и символических (Карасик 2009а; Черкасова 2009), ключевых концептов дискурса (см.: Яцуга 2006). Стали также изучаться подвиды ЛК-концептов: их дискурсные (Воркачѐв 2005; 2006а) и диахронические варианты.

Продолжается дробление и дифференциация основных составляющих ЛК-концепта и возникает своего рода «наноконцептология», когда объектом изучения становятся части частей концепта. Так, в составе образной составляющей к уже выделенным образно-метафорической и образно-перцептивной добавляется ещё и образно-прецедентная, включающая закреплѐнные в языковом сознании ассоциативные признаки литературных и фольклорных персонажей, олицетворяющих исследуемый концепт (см.: Несветаилова 2010: 17). В свою очередь, значимостная составляющая «расщепляется» на этимологическую, словарную (синонимы, антонимы, дериваты имени концепта) и собственно ассоциативную, включающую результаты ассоциативного эксперимента.

Выход из предкризисного состояния и постепенное изменение вектора развития, тем не менее, не избавили лингвоконцептологию от определённых слабых мест в её теории, внутренних противоречий и даже парадоксов, вытекающих, главным образом, из принятых принципов деления ЛК-концепта на качественно отличные друг от друга составляющие.

Так, если не включать в состав ЛК-концепта языковую, значимостную составляющую, то признаки логического парадокса можно усмотреть в самом факте конституирования, например,

концептов «ДОБРО» и «ЗЛО» (см.: Палеха 2007; Тихонова 2006), поскольку ЛК-концепт по определению сложное, многомерное ментальное образование, а «ДОБРО» и «ЗЛО» – это, по сути, результат гипостазирования аксиологической оценки, представленной рассудочно, рационально. Тем самым их семантический состав вырождается до одного признака и одной – либо ценностной, либо понятийной – составляющей, а в работах исследуется не сам концепт, а описывается множество объектов аксиологической оценки (см.: Георгиева 2010).

Другой парадокс возникает при конституировании таких концептов, как, например, «АНГЕЛ» и «ДЬЯВОЛ» (см.: Черкасова 2005), когда статус концепта приписывается его образному воплощению: «АНГЕЛ» и «ДЬЯВОЛ» являются символами основных понятий бытия – «ДОБРА» и «ЗЛА», и это, по сути, означает, что в представлениях об ангеле персонифицируется, т. е. метафоризируется концепт добра, а в представлениях о дьяволе – концепт зла. Не совсем понятно, почему в качестве имени концепта берётся название его метафорической составляющей – *ангела/дьявола*, а не собственно универсальной философской категории *добра*. Здесь, как представляется, происходит то же самое, что и в случае «концептов» черемухи, берёзы и прочих русских прагмонимов, символизирующих концепт России, но не являющихся отдельными концептами. В принципе, то же самое происходит при выделении «символического концепта “ПОДАРОК”» (Черкасова 2009), поскольку подарок сам по себе символизирует и благодарность, и просто симпатию, и корыстный расчёт.

Общепризнано, что при переносе имени абстрактного на имя конкретное абстракция «материализуется» – становится доступной чувственному восприятию («Царство небесное подобно горчичному зерну» – Мф. 13: 31), при переносе имени конкретного на другое конкретное имя в семантике первого выделяются какие-то важные признаки («смотреть волком»). Однако функции переноса имени конкретного на имя абстрактное (если такое имеет место), по меньшей мере, непонятны: «запах – душа, запах – красота» (Старостина 2009: 8). Может быть, здесь имеют место вовсе не метафорические отношения, или же это «обратная метафора» – не «запах – это красота», а «красота – это запах», и не «запах – это душа», а «душа – это запах».

О возможности смещения собственно концептуального содержания и денотата концепта уже говорилось, существует также возможность смещения понятийной и значимостной составляющей ЛК-концепта, когда отождествляются ключевые концепты какой-либо лингвокультуры и её ключевые слова, что отнюдь не то же самое: ключевому слову «авось», например, соответствует ключевой концепт «беспечность».

После обзора достижений и «болевых точек» российской лингвоконцептологии хотелось бы попытаться объяснить феномен её дисциплинарной «живучести» в сегодняшнем мире методологического плюрализма.

1. Прежде всего, как представляется, продолжает оставаться востребованным базовый термин её категориального аппарата – лингвокультурный концепт, в котором воплотилась насущная необходимость лингвистической науки в термине, способном отпирать к семантическому содержанию не одной какой-либо языковой единицы, а к совокупной семантике определённого множества этих единиц.

2. В немалой степени сегодняшняя востребованность этой научной дисциплины определяется присутствием в лингвоконцептологических исследованиях некой «сверхзадачи»: выявления (подтверждения или опровержения) данных о структуре и наполнении этнического менталитета носителей определённой лингвокультуры, что выгодно отличает её от классического языкознания, в частности, структурной лингвистики, ориентированной на автономное описание языковой системы.

3. Конечная цель лингвоконцептологии: установление единой универсальной системы лингвоконцептов через изучение отдельных концептов и национальных концептосфер и их последующее сопоставление – на сегодняшний момент не достигнута.

4. И, наконец, длительность её жизненного цикла объясняется тем простым фактом, что на настоящий момент у неё нет реальных конкурентов: помимо «теней прошлого» структурно-системной лингвистике ей противопоставить, в общем-то, нечего.

Таким образом, как представляется, наблюдения над эволюцией и современным состоянием российской лингвоконцептологии дают основания для следующих заключений.

Лингвоконцептология и лингвокультурология представляют собой автохтонное образование, свойственное исключительно русскоязычному научному пространству. Основной эвристической единицей лингвокультурологии является концепт (лингвокультурный), нашедший своё самое общее определение: это сложное (многомерное и многопризнаковое) ментальное образование (смысл), отмеченное культурной спецификой и имеющее имя (выражение в языке). Определены также основные функциональные предназначения лингвокультурных концептов: они представляют собой конституирующие единицы этнического менталитета и организующее начало дискурса.

Сегодняшняя лингвоконцептология – вполне состоявшееся научное направление: у неё имеется устоявшийся категориальный аппарат и методологические алгоритмы исследования. Кроме того, появились учебные курсы и пособия, словари концептов, осуществлён выход в лингводидактику и практику перевода.

Лингвокультурные концепты не поддаются типологизации на основе какого-либо единого классификационного признака, поскольку являются сложными и многомерными семантическими образованиями. Вследствие такой многомерности в их семантике выделяются отдельные составляющие, называемые, в зависимости от используемой эвристической модели, компонентами, слоями, стратами, секторами и пр.

К середине «нулевых» в триумфальном шествии лингвоконцептологии наметились определённые кризисные проявления, однако в дальнейшем, сменив вектор развития с экстенсивного, горизонтального на вертикальный, интенсивный, она обрела «второе дыхание». При движении «вверх» предметная область лингвоконцептологии изменилась за счёт заполнения «гиатуса» между конкретными лингвоконцептами и национальной концептосферой за счёт выделения укрупненных единиц, в границах которых можно было бы изучать как сами концепты, так и их семантические противочлены; движение «вниз» привело к углублённому исследованию отдельных особо значимых для лингвокультуры концептов уже на уровне докторских диссертаций, а также к вы-

делению новых типов и разновидностей концептов. Продолжилось дробление и дифференциация основных составляющих ЛК-концепта и объектом изучения стали части частей концепта.

Выход из предкризисного состояния и изменение вектора развития, однако, не избавили лингвоконцептологию от определённых внутренних противоречий и даже парадоксов, вытекающих, главным образом, из принятых принципов деления ЛК-концепта на качественно отличные друг от друга составляющие.

Длительный жизненный цикл лингвоконцептологии объясняется, с одной стороны, продолжающейся востребованностью её базового термина и, с другой – присутствием в лингвоконцептологических исследованиях «сверхзадачи»: выявления и верификации данных о структуре и наполнении этнического менталитета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абеляр, П. Теологические трактаты. – М., 1995.
2. Александрович, Н. В. Концептосфера художественного произведения в оригинале и переводе (на материале романа Ф. С. Фицджеральда «ВЕЛИКИЙ ГЭТСБИ»): АҚД. – Волгоград, 2010.
3. Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Т. 1–7. – Волгоград, 2005–2009.
4. Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – М., 2007.
5. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека. – М., 1998.
6. Арутюнян, Н. Л. Трансцендентные сверхконцепты в лингвокультурном аспекте (на материале английского языка в сопоставлении с армянским): АДД. – Ереван, 2010.
7. Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж, 1996.
8. Бобырева, Е. В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения): монография. – Волгоград, 2007.
9. Богатова, С. М. Концепт *ДОМ* как средство исследования художественной картины мира Вирджинии Вулф: АҚД. – Омск, 2006.
10. Бойченко, А. Г. Репрезентация концепта «ПИТИЕ» в русской языковой картине мира: АҚД. – Абакан, 2009.
11. Болотнов, А. В. Вербализация концепта «ХАОС» в поэтическом дискурсе Серебряного века (на материале творчества

М. И. Цветаевой, М. А. Волошина, О. Э. Мандельштама): АКД. – Томск, 2009.

12. Васильева, М. А. Метафорична реалізація концепту політика в сучасному англомовному політичному дискурсі: АКД. – Харьков, 2008.

13. Воркачѐв, С. Г. Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация. – Вып. 24. – М., 2003. – С. 5–12.

14. Воркачѐв, С. Г. Дискурсная вариативность лингвоконцепта (1): ЛЮБОВЬ-МИЛОСТЬ // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2005. – Т. 64, № 4. – С. 46–55.

15. Воркачѐв С. Г. «Из истории слов»: лингвокультурный концепт // Новое в когнитивной лингвистике. – Кемерово, 2006. – С. 3–14.

16. Воркачѐв С. Г. Дискурсная вариативность лингвоконцепта (2): ЛЮБОВЬ-ЖАЛОСТЬ // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2006а. – Т. 65, № 2. – С. 33–40.

17. Воркачѐв, С. Г. Лингвокультурная концептология: становление и перспективы // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2007. – Т. 66, № 2. – С. 13–22.

18. Воркачѐв, С. Г. Любовь как лингвокультурный концепт. – М., 2007а.

19. Воркачѐв, С. Г. Идея патриотизма в русской лингвокультуре. – Волгоград, 2008.

20. Воркачѐв, С. Г. Концепт счастья в английском языке: значимая составляющая / С. Г. Воркачѐв, Е. А. Воркачѐва. // Массовая культура на рубеже XX–XI веков: Человек и его дискурс. – М., 2003. – С. 263–275.

21. Воробьѐв, В. В. Лингвокультурология. Теория и методы. – М., 1997.

22. Георгиева, О. Н. Дискурсивная репрезентация этноспецифики французских и русских концептосфер «BIEN/ДОБРО» и «MAL/ЗЛО»: АКД. – Волгоград, 2010.

23. Гольдберг, В. Б. «Антология концептов»: рецензия // Антология концептов. Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Т. 6. – Волгоград, 2008. – С. 4–17.

24. Грабарова, Э. В. Концепт *SAVOIR VIVRE* во французской лингвокультуре и его русские соответствия: АКД. – Волгоград, 2004.

25. Дмитриева, О. А. Лингвокультурные типы России и Франции XIX века: АДД. – Волгоград, 2007.

26. Долгова, И. А. Концептуальное поле «ТЕРПЕНИЕ» в английской и русской лингвокультурах: АКД. – Волгоград, 2006.

27. Зализняк, Анна А. Ключевые идеи русской языковой картины мира / Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. – М., 2005.

28. Згазинская, О. Г. Концепты «ПАРИЖ» и «КИММЕРИЯ» в творчестве М. А. Волошина: АКД. – Архангельск, 2008.

29. Калуженина, Д. В. Художественный гиперконцепт ПРОСТРАНСТВО в поэзии конца XX века (на материале лирики К. Кинчева, Д. Ревякина, Ю. Кузнецова и А. Кушнера): АКД. – Саратов, 2008.

30. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004.

31. Карасик, В. И. Языковые ключи. – М., 2009.

32. Карасик, В. И. Символические концепты // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – Вып. 11. – Владикавказ, 2009а. – С. 24–29.

33. Карасик, В. И. Базовые характеристики лингвокультурных концептов / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин. // Антология концептов. – М., 2007. – С. 12–13.

34. Карасик, В. И. Лингвокультурная концептология: учебное пособие к спецкурсу / В. И. Карасик, Н. А. Красавский, Г. Г. Слышкин. – Волгоград, 2009.

35. Катуков, С. С. Лексико-фразеологическая объективация концепта «БРАНЬ» в русском языке: АКД. – Воронеж, 2006.

36. Колесникова, В. В. Художественный концепт «ДУША» и его языковая репрезентация (на материале произведений Б. Пастернака): АКД. – Краснодар, 2008.

37. Колесов, В. В. «Жизнь происходит от слова...». – СПб., 1999.

38. Костьева, М. А. Концепт «ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ» и его реализация в языке и культуре в сопоставительном освещении (на материале английского и русского языков): АКД. – Москва, 2008.

39. Красных, В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. – М., 2002.

40. Крючкова, Н. В. Роль референции и коммуникации в концептообразовании и исследовании концептов (на материале русского, английского, французского языков): АДД. – Саратов, 2009.

41. Культурология как наука: за и против // Вопросы философии. – 2008. – №. 8. – С. 3–31.

42. Лавриненко, Т. А. Прецедентный мир «ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА» в русской лингвокультуре: АКД. – Волгоград, 2008.
43. Левонтина, И. Б. Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. М.: Гнозис, 2007 // Вопросы языкознания. – 2008. – № 4. – С. 122–126.
44. Лингвокультурные типы: признаки, характеристики, ценности. – Волгоград, 2010.
45. Лунцова, О. М. Градиент-концепт *ДРУЖБА – МИР – ВРАЖДА* в русской и английской лингвокультурах (на материале лексики и фразеологии): АКД. – Волгоград, 2008.
46. Маслова, В. А. Введение в лингвокультурологию. – М., 1997.
47. Маслова, В. А. Лингвокультурология. – М., 2001.
48. Мержоева, З. С. Концепты родства в молодежном языковом сознании русских и ингушей: АКД. – Саратов, 2009.
49. Мешкова, Т. С. Способы актуализации концепта *КНЯЗЬ* (на материале новгородской летописи): АКД. – Архангельск, 2005.
50. Мишати́на, Н. Л. Методика и технология речевого развития школьников: лингвоконцептоцентрический подход: АДД. – СПб., 2010.
51. Несветайлова, И. В. «ЗАВИСТЬ» и «РЕВНОСТЬ» как эмоциональные концепты русской и английской лингвокультур: АКД. – Волгоград, 2010.
52. Новосѐлова, Т. Н. Языковая онтологизация концепта MATERIAL WEALTH как фрагмента ценностной картины мира англо-американской культуры: АКД. – Иркутск, 2005.
53. Ожегов, С. И. Словарь русского языка. – М., 1953.
54. Олянич, А. В. Презентационная теория дискурса: монография. – М., 2007.
55. Павлова, О. В. Концепт «ВОРОВСТВО» в русской и немецкой лингвокультурах: АКД. – Волгоград, 2009.
56. Палеха, Е. С. Концепт *ДОБРО* в языке поэзии серебряного века: АКД. – Казань, 2007.
57. Перельгина, Е. М. Катартическая функция текста: АКД. – Тверь, 1998.
58. Пименова, М. В. Введение в концептуальные исследования: учебное пособие / М. В. Пименова, О. Н. Кондратьева. – Кемерово, 2009.
59. Плавинская, В. С. Этноспецифический концепт «FUN» в американской лингвокультуре: АКД. – Волгоград, 2008.

60. Погосян, Р. Г. Концепт «СУДЬБА» и его языковое выражение в поэтическом тексте Ф. К. Сологуба: АКД. – Ставрополь, 2005.
61. Полина, А. В. Языковая объективация концепта БОГ в английском дискурсе 19-20 вв.: АКД. – Харьков, 2004.
62. Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж, 2001.
63. Попова, З. Д. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Антология концептов. – М., 2007. – С. 7–9.
64. Приходько, А. М. Концепти і концептосистеми в когнітивно-дискурсивній парадигмі лінгвістики.–Запоріжжя,2008.
65. Путий, Е. С. Репрезентация макроконцепта «СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА» в современном немецком языке: АКД. – Харьков, 2010.
66. Радбиль, Т. Б. Основы изучения языкового менталитета. – М., 2010.
67. Радван, В. М. Этноспецифический регулятивный концепт «COOL» в американской лингвокультуре: АКД. – Волгоград, 2008.
68. Русина, Е. В. Бинарные концепты «GLORY» и «DISGRACE» в американской лингвокультуре: АКД. – Волгоград, 2008.
69. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый / И. С. Брилёва, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных. – М., 2004.
70. Саморукова, Я. А. Смысловая структура художественного концепта и способы её экспликации (на примере художественного концепта «САМОУБИЙСТВО» в произведениях Л. Андреева, В. Набокова, Г. Газданова): АКД. – СПб., 2009.
71. Слепнева, М. И. Концептуальное поле «VERTU» в «опытах» Мишеля Де Монтеня. АКД. – СПб., 2008.
72. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: АДД. – Волгоград, 2004.
73. Старостина, Ю. А. Метафора как средство языковой реализации концепта «ЗАПАХ» (на материале романа Патрика Зюскинда «ПАРФЮМЕР. ИСТОРИЯ ОДНОГО УБИЙЦЫ»): АКД. – Волгоград, 2010.
74. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М., 1997.
75. Стёпин, В. С. Культура // Новая философская энциклопедия: В 4 т. – Т. 2. – М., 2001. – С. 341–347.
76. Стернин, И. А. Структура концепта // Избранные работы. – Воронеж, 2008. – С. 172–184.

77. Стешина, Е. Г. Концепты БОГАТСТВО и БЕДНОСТЬ в молодежном языковом сознании русских и англичан: АКД. – Саратов, 2008.
78. Телия, В. В. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996.
79. Тихонова, С. А. Концепты *ZLO* и *EVIL* в российской и американской политической картине мира: АКД. – Екатеринбург, 2006.
80. Уматова, Ж. М. Концепты ДУША/ЖАН как лингвокультурологический феномен: АКД. – Алма-Ата, 2005.
81. Храмова, Ю. А. Концептуальная диада «лицемерие-искренность» (на материале русского и английского языков): АКД. – Волгоград, 2010.
82. Хроленко, А. Т. Основы лингвокультурологии. – М., 2004.
83. Черкасова, Е. Н. Символический концепт «ПОДАРОК» в языковом сознании (на материале американской и русской лингвокультур): АКД. – Волгоград, 2009.
84. Черкасова, И. П. Концепт «АНГЕЛ» и его реализация в тексте: АДД. – Волгоград, 2005.
85. Черноморец, М. В. Лингвокультурные концепты германских канцлеров: АКД. – Волгоград, 2010.
86. Чесноков, И. И. МЕСТЬ как эмоциональный поведенческий концепт (опыт когнитивно-коммуникативного описания в контексте русской лингвокультуры): монография. – Волгоград, 2008.
87. Чудакова, Н. М. Концептуальная область «НЕЖИВАЯ ПРИРОДА» как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации (2000-2004 гг.): АКД. – Екатеринбург, 2005.
88. Шаталова, О. В. Концепт «БЫТИЕ» в русском языке: АДД. – Москва, 2008.
89. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса: монография. – М., 2004.
90. Яцуга, Т. Е. Ключевые концепты и их вербализация в аспекте регулятивности в поэтических текстах З. Гиппиус: АКД. – Томск, 2006.
91. Almeida Costa, J., Sampaio e Melo, A. Dicionário da língua portuguesa. – Porto, 1975.

Получено 18.09.2010

О. А. Леонтович (Волгоград)

**ИССЛЕДОВАНИЕ КОММУНИКАЦИИ
С ПОЗИЦИЙ ТЕОРИИ КООРДИНИРОВАННОГО УПРАВЛЕНИЯ СМЫСЛАМИ**

Мир слов порождает мир вещей.

Жак Лакан

Ключевые слова: коммуникация, теория координированного управления смыслами, коммуникативная перспектива, когерентность, координация

Key words: communication, coordinated management of meaning theory, communicative perspective, coherence, coordination

Теория координированного управления смыслами (*coordinated management of meaning* – сокр. СММ), созданная Б. Пирсом (B. Pearce), В. Кроненом (V. Cronen) и другими учёными в середине 70-х годов XX века, – это одна из самых ранних теорий, которые родились непосредственно в недрах коммуникативистики, а не были привнесены в неё извне, из других социальных наук. Она относится к разряду коммуникативных теорий, созданных в рамках социокультурной традиции, и восходит к таким научным направлениям как социальный конструкционизм, прагматизм, символический интеракционизм, риторика, нарративные подходы в психологии и организационной коммуникации, этнометодология, интерпретативная этнография и т. д. (Pearce 1989; Pearce 2001; Pearce and Kearney 2004; Pearce 2006). Теория постоянно дополняется и пересматривается (см. личный сайт Б. Пирса: http://www.pearceassociates.com/essays/research_menu.htm).

Цель теории и её основное содержание

Основная цель теории СММ заключается в улучшении существующих социальных миров путём оптимизации качества человеческого общения (Pearce 2001).

Сторонники СММ разграничивают действительность как такую и то, что мы говорим (думаем или знаем) о ней. Социальные миры не являются данностью, они создаются самими коммуникантами в процессе общения. Эти миры разнообразны, изменчивы и открыты для перемен. «У всех существ есть окружение, – пишет Б. Пирс, – и лишь у человека есть мир» (Ibid).

В основе теории – так называемая «коммуникативная перспектива» – взгляд на коммуникацию, а не через неё. В противовес мнению тех, кто считает общение лишь одним из видов человеческой деятельности, инструментом, вспомогательным средством для передачи информации (т. н. «почтовая модель коммуникации» – *post-office communication model*, отражающая передачу сообщения от отправителя к получателю), Б. Пирс полагает, что коммуникация есть форма человеческого существования, в связи с чем основное внимание учёных направлено не на коммуникантов, а на сам процесс человеческого общения.

Сущность положений, лежащих в основе СММ, можно суммировать следующим образом:

1) системный взгляд на коммуникантов (*persons-in-conversation*) с учётом их прошлого, будущего и сети отношений; социальные группы рассматриваются как кластеры людей, для которых коммуникация является формой существования;

2) рассмотрение коммуникации как реализации лишь одной из тысяч возможностей; исследователей интересует, почему именно данная возможность была реализована;

3) основное внимание уделяется моделям взаимодействия как контексту, в котором именуется объекты, рассказываются истории и разворачиваются нарративы;

4) объекты и события социальных миров рассматриваются как «локальные» условия более универсальных процессов коммуникации, создаваемых людьми коллективно и индивидуально;

5) качество коммуникации имеет судьбоносное значение как для личной жизни людей, так и для социальных миров, в которых они существуют;

6) каждое коммуникативное действие представляет собой творческий акт, в процессе которого коммуниканты создают нечто, не существовавшее ранее и становящееся контекстом для последующих коммуникативных действий;

7) используемый коммуникантами язык также судьбоносен – он выделяет одни предметы и явления и игнорирует другие, выражает отношение к тому, о чём идёт речь, координирует человеческие действия и т. д.

Считая полезной «иерархическую модель» множественных контекстов, составляющих основу коммуникативных действий, которая включает личность коммуниканта, эпизод, взаимоотношения с другими коммуникантами и т. д., Б. Пирс, однако, указывает на её статичность по сравнению с реальной жизнью. В качестве альтернативы он предлагает точку зрения, согласно которой каждый момент коммуникации включает множественные возможности, ограниченные прошлым, но открытые для креативных действий в настоящем и определяющие направление движения в будущем. Выбор коммуникативных действий (говорение или молчание, движение вперёд, по направлению к собеседнику или от него, решение строить или разрушать) реализует одну (или некоторые) из неограниченных возможных коммуникативных действий, определяющих то, каким будет будущее (Pearce 2001).

Ключевые понятия СММ: *координация*, *когеренция* и *тайна*.

Координация – это процесс согласования коммуникативных действий разных людей, который ведёт к формированию коммуникативных паттернов, обуславливающих эффективное общение в социуме. Использование понятия координации позволяет утверждать, что все события и объекты социального мира совместно конструируются многими коммуникантами, и рассматривать коммуникацию системно, сосредоточившись на паттернах и взаимоотношениях, а не на изолированных предметах и индивидуумах. Процесс коммуникации непрерывен, действия разворачиваются во множественных контекстах. Невозможно полностью раскрыть смысл какого-либо действия, поскольку оно связано с неограниченным количеством отношений и контекстов и проецируется на неопределённое будущее.

Когеренция имеет непосредственное отношение к процессам смыслообразования через посредство «историй», которые люди рассказывают о своей жизни. Смыслообразование, по Б. Пирсу, есть неотъемлемое свойство человека, который повествует о собственной идентичности, среде своего существования, окружающих людях и их действиях, «героях, дураках, мудрецах, негодях» и т. д. Предполагается, что эти «истории» связно и последовательно описывают социальный мир личности. При этом, говорит Б. Пирс, вполне вероятно, что рассказываемые «истории» могут быть не идентичны реально переживаемым, поскольку являются плодом личностной интерпретации окружающего мира и осмыс-

ления собственной жизни коммуниканта. Личность выбирает, что рассказать, а о чём – умолчать, каким образом представить информацию. Различия в используемых языковых средствах, сюжете, временной отнесённости, рефлексивности и т. д. имеют важное значение для конструирования социальных миров коммуникантов. Противоречие между рассказываемыми и переживаемыми «историями» создаёт напряжение и является динамическим средством, обуславливающим сложный спектр человеческих взаимоотношений.

Понятие *тайны* (*mystery*) связано с тем, что действительность намного сложнее, тоньше и богаче, нежели любой набор взаимосвязанных историй о ней. Вселенная бесконечна, в то время как набор человеческих представлений о ней конечен и субъективен. Существует непознанное и непознаваемое, которое Б. Пирс обозначает термином «тайна». Наличие этого понятия заставляет учёного задаваться вопросами о том, почему в конкретной коммуникативной ситуации из тысяч возможностей была выбрана та или иная линия поведения; исследовать коммуникативные сбои и «трещины» в общении; рассматривать модели человеческого поведения с точки зрения того, что стоит за ними и чем они обусловлены. Это позволяет также спрашивать себя и других: можно ли было в этой ситуации поступить по-другому и если да, то как?

На основе сказанного выше выводится определение коммуникации как двустороннего процесса координирования действий и смыслообразования, или управления смыслами. Координация действий осуществляется в действительности, смыслообразование / управление смыслами – в историях, рассказанных о ней.

Материалом исследования являются живые диалоги, коммуникативные ситуации, ролевые игры и т. д. При сборе данных исследователи используют традиционные методы: включённое и невключённое наблюдение, интервью, контент-анализ, нарративный анализ и т. д. Специалистами в области СММ накоплено большое количество кейсов, на основе которых сделаны серьёзные выводы и разработаны базовые положения теории.

Отличия от других методов исследования:

- сторонников СММ наиболее интересуют такие явления как паттерны скоординированных действий, поочерёдная последовательность интеракций и т. д.

- рассматриваются более широкие социальные и дискурсивные структуры (такие как класс, гендер, раса), формируемые как модели специфических коммуникативных действий;

- герменевтический анализ должен предшествовать интервенции (вмешательству в виде эксперимента, предполагающего манипулирование переменными) и критическому анализу коммуникации;

- в основе анализа - идея полисемичности социального мира: каждое высказывание и действие значимо и может иметь множественные интерпретации; каждое из них открыто для переосмысления и повторных интерпретаций, в результате чего сторонники СММ не пытаются определить, является ли данное коммуникативное действие «правильным» или «неправильным»;

- СММ стремится осмыслить закономерности человеческих отношений и обеспечить базу для разумного коммуникативного поведения в определённых ситуациях общения.

Модель предлагаемого анализа включает восемь шагов, организованных по четырём функциям.

Функция 1. Описательная

Шаг 1. Описание последовательности действий и контекста коммуникации

Данные получают от одного или более коммуникантов, из наблюдения, аудио- или видеозаписи и т. д. Цель – собрать как можно более исчерпывающую информацию, релевантную для данной коммуникативной ситуации (возраст, опыт, амбиции участников и т. д.). Следует также учитывать невербальную составляющую общения и принимать во внимание коммуникативное поведение всех участников (даже если они ничего не говорят, но присутствуют).

Необходимо обращать внимание на то, что происходило до описываемого эпизода и последовало *после* него, так как это может иметь решающее значение для понимания коммуникативного обмена (развёртывание социальных историй по типу «серпантин»).

Необычность подхода также заключается в максимальном привлечении участников коммуникации к сотрудничеству с исследователем, например, в виде обращённой к ним просьбы заполнить необходимую информацию в выведенных исследователем моделях. Тем самым обеспечивается, во-первых, максимальное извлечение необходимой информации; во-вторых, решается этический вопрос информирования респондента о содержании исследования.

Функция 2. Интерпретативная

Шаг 2. Разграничение последовательности коммуникативных действий участников

На этом этапе учёный обращает внимание на связки между коммуникативными действиями участников или их отсутствие, изменения в процессе общения (языковая несостыковка, тон голоса, невербальные проявления и т. д.), а также отмечает места стыков или изменений на временной шкале или в графической модели коммуникации.

Шаг 3. Анализ и сопоставление переживаемых и рассказываемых коммуникантами «историй»

Чтобы узнать, как участники интерпретируют переживаемые ими события, учёные прибегают к интервьюированию на основе используемых ими исследовательских моделей. Умелый интервьюер может получить необходимые сведения, задавая правильные вопросы и подводя респондента к сообщению требуемой информации.

Ещё одна предлагаемая техника: исследователи разыгрывают интересующую их сцену (повторяют действия коммуникантов, которые ранее имели место в действительности), а последние выступают как тренеры, объясняя им, как в том или ином случае следует передать нужные чувства. Исследователи при этом ведут себя как не слишком способные актеры и, таким образом, вынуждают информантов направлять их, повторяя фразы, объясняя свои чувства. Исследователь может задавать вопросы, например: «*Как мне это сказать?*», «*А что будет, если я это скажу другому/вот так?*», «*С какими чувствами мне это произносить?*»

и т. д. При этом рекомендуется обращать внимание на выбираемые коммуникантами слова, жесты, выражение лица, телодвижения, паузы и т. д.

Шаг 4. Представление «плотного» описания беседы

Под «плотным описанием» подразумевается сочетание описания и интерпретации. Цель этого этапа анализа – проследить, будут ли «истории» переосмыслены / рассказаны иначе в последующих коммуникативных актах; выявить положение «истории» в структуре нанизывающихся друг на друга контекстов; выделить рефлексивные паттерны взаимоотношений; изучить степень обязательности действовать определённым образом; понять, как участники осмысляют исследуемые взаимоотношения и т. д.

Функция 3. Критическая

Имманентное критическое осмысление коммуникации предполагает анализ речевых актов, эпизодов, идентичности коммуникантов, их взаимоотношений, форм коммуникаций, форм сознания. Предполагается, что на этом этапе учёный должен ответить на следующие вопросы:

1. Какова дистрибуция речевых актов? Кто выиграл и кто проиграл от такой дистрибуции? Что достигнуто в результате?

2. Как созданные в коммуникации эпизоды соотносятся с интенциями коммуникантов? Чем вызваны нежелательные ситуации, возникшие вопреки первоначальному намерению?

3. Какие формы коммуникации использовались? Какое развитие коммуникации вероятно/менее вероятно в рамках этих форм?

Шаг 5. Исследование напряжённости, возникшей в результате расхождения между переживаемыми и рассказываемыми «историями»

Этот шаг предполагает переход от терминологии рассказчика к терминологии учёного, а также объяснение хода коммуникации с исследовательских позиций (например, как результат межрасовых, межгендерных и иных противоречий).

Шаг 6. Анализ «нерассказанных историй», то есть того, что коммуникант оставляет за кадром; этот анализ сопровождается оценочными суждениями и комментариями со стороны исследователя.

Шаг 7. Изучение «точек бифуркации», то есть тех моментов коммуникации, когда возникают возможности разных действий со стороны участников, выбирающих определённую линию поведения. Учёный ставит перед собой ряд вопросов: что было бы, если бы коммуниканты выбрали другую линию поведения? Могли ли более умелые коммуникативные действия привести к иным (более успешным) результатам? Были ли упущены какие-либо возможности? Как это связано с уровнем коммуникативной компетенции участников?

Функция 4. Практическая

Шаг 8. Подведение итогов и практическое применение результатов исследования

Этот этап предусматривает выдвижение конкретных рекомендаций по изменению коммуникативного поведения участников исследуемой ситуации, что должно привести к более успешному исходу общения. В отличие от многих других направлений коммуникации, теория координированного управления смыслами предполагает активное вмешательство учёного в социальную практику с целью её улучшения.

Области применения

Методы СММ используются при исследовании внутриличностной, межличностной, межкультурной, организационной, деловой, семейной, религиозной коммуникации. Они применяются в психотерапии, педагогике, менеджменте, семейном, организационном, правительственном, педагогическом консалтинге, при урегулировании конфликтов, обсуждении проблем этики. Темы, которыми занимаются приверженцы СММ, включают способы понимания конкретной беседы; повторяющиеся коммуникативные паттерны; средства изменения непродуктивно протекающего общения; особенности церемониального дискурса; коммуника-

тивные проявления агрессии, насилия против детей и женщин, чувства вины; способы саморазоблачения; пути урегулирования сложных ситуаций на рабочем месте; проблемы взаимоотношения правительства и населения; коммуникативную компетенцию иммигрантов; межгрупповые, иерархические сексуальные, расовые и пр. отношения.

Авторы позиционируют СММ как «практическую теорию» (Cronen 1995: 233), цель которой – изменить социальные практики. Предполагается, что учёный выступает в качестве консультанта и применение вышеописанной методики должно не только дать исследовательские результаты (идентифицировать проблемы в общении клиентов), но и стать инструментом для принятия решений и оптимизации общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Coordinated Management of Meaning: Extensions and Applications / Eds. B. W. Pearce, J. Kearney // *Human Systems: The Journal of Systemic Consultation and Management*, 2004, 15, numbers 1 – 3. – Pp. 1-207.
2. Cronen, V. E. Practical Theory and the Tasks Ahead for Social Approaches to Communication // *Social Approaches to Communication* / Ed. W. Leeds-Hurwitz. – New York: Guilford Press, 1995. – Pp. 217-242.
3. Pearce, B. W. A Brief Introduction to “The Coordinated Management of Meaning” (“СММ”) // “Introducción a la teoría del Manejo Coordinado del Significado”, *Sistemas Familiares*, 2001. – 17: 5 – 16. [Электронный ресурс]. URL: http://www.russcomm.ru/eng/rca_biblio/p/pearce.shtml (дата обращения: 18.11.2009).
4. Pearce, B. W. *Communication and the Human Condition*. – Southern Illinois University, 1989.
5. Pearce, B. W. *Doing Research from the Perspective of the Coordinated Management of Meaning (СММ)*, 2006. [Электронный ресурс]. URL: http://www.pearceassociates.com/essays/research_menu.htm (дата обращения: 20.04.2010).

Получено 11.09.2010